

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.422.42

Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности

Б. В. Сердюков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43

Для цитирования: *Сердюков Б. В.* Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 172–189. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.203>

В статье предпринимается попытка поиска эффективных интеграционных мер, направленных на преодоление негативных последствий социальной аномии в современной России. Основываясь на теоретической модели, предложенной Э. Дюркгеймом и развитой Р. Мертоном, автор статьи утверждает, что социальная аномия как следствие трансформационных постперестроечных процессов оказала негативное влияние на современную криминогенную обстановку в России. Это влияние подтверждается приведенной в статье статистикой совершенных в период с 1985 по 2016 г. правонарушений. Необходимость эффективных мер стабилизации криминогенной обстановки, обусловленной кризисом социальной интеграции, делает целесообразным методологическое описание такого понятия, как социальная солидарность, поскольку этот термин имеет положительную интеграционную направленность. Теоретический анализ различных подходов к определению природы социальной солидарности (содержащихся во взглядах таких ученых, как Э. Дюркгейм, А. Бергсон, М. Вебер, Т. Парсонс) позволяет сделать вывод о высокой теоретической и практической целесообразности использования такой партикулярной разновидности социальной солидарности, как солидарность гражданская. Используя модель потоковой консолидации О. Кармадонова, автор статьи предпринимает попытку практического исследования особенностей гражданской солидарности в сфере общественной безопасности. Результаты проведенного исследования обнаруживают ряд дезинтеграционных факторов в этой области, нейтрализация которых сможет, по убеждению автора, положительно повлиять на укорененность и глубину проявляемого гражданами солидарного поведения в области общественной безопасности.

Ключевые слова: гражданская солидарность, социальная аномия, солидарное поведение, факторы дезинтеграции, криминогенная обстановка, общественная безопасность.

Введение, постановка проблемы исследования

Новейшая история российского общества связана с двумя наиболее существенными трансформационными процессами, проистекавшими в XX в.: советским социалистическим строительством и либерально-капиталистическими преобразованиями постперестроечного периода. Их истоки лежат в исторической плоскости и представляют мощные дезинтеграционные импульсы, инициированные радикальным отказом реформаторов «социалистических», а позднее и «либеральных» от устоявшихся к тому времени социокультурных норм, политических и экономических доктрин, а также от идеологических и мировоззренческих оснований повседневности. Следствием столь скоротечной трансформационной динамики были разрушение системы общественного разделения труда и последующее за ним погружение реформируемого общества в состояние глубочайшей социальной аномии.

В рамках социологической теории под социальной аномией принято понимать такое «состояние общества или личного отношения к обществу, в котором имеется слабый консенсус, недостаток веры в ценности или цели, а также утрата эффективности нормативных и нравственных рамок, регулирующих коллективную (индивидуальную) жизнь» [1, с.31]. Согласно взглядам Эмиля Дюркгейма, такое состояние является следствием социальных изменений, после которых социальной системе потребуется определенный промежуток времени для того, чтобы новая общественная реальность установилась, а регламентация в виде социальных норм и ценностей наладилась. Состояние, в котором пребывает общество в этот период, и определяется Дюркгеймом как социальная аномия [2, с. 245].

Наряду с понятием социальной аномии Э. Дюркгейм вводит в социологическую теорию и понятие социальной солидарности, имеющее, напротив, положительную интеграционную направленность. Согласно Дюркгейму, социальная аномия — состояние «патологическое» [3, с.77] и является прямым следствием несогласованности элементов общественного разделения труда, основная функция которого — «создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности» [4, с. 63].

Позднее американский социолог Роберт Мертон развил предложенное Дюркгеймом понятие социальной аномии, определив его как структурное нарушение культуры, выраженное в расхождении между собой общественно одобряемых культурных целей и норм с институционализированными в социальной структуре путями их достижения. В таком случае, как утверждает Мертон, «культурные ценности могут способствовать возникновению поведения, которое не соответствует направленности самих ценностей» [5, с. 284].

Польский социолог П. Штомпка в свою очередь характеризовал аномическое состояние общества как «культурную травму», являющуюся логическим заключением процесса социальной трансформации, описанной им в категориях «травматической последовательности» [6, с. 9].

Конечно, современное российское общество принципиально отличается от тех, которые описывали в своих трудах Э. Дюркгейм и Р. Мертон. Аномия в сложном обществе, каковым, вне всякого сомнения, является и Российская Федерация, выражается в интеграционном ослаблении социетальных культурно-символических

структур, происходящем в условиях развития интернационального информационного общества, а также нарастающей культурной глобализации. Хотя поведение человека и ограничивается дисциплинарным порядком того общества, в котором он находится, он в то же время остается волен выбирать такую ценностно-нормативную среду, которая ему больше нравится, что по большому счету подкрепляется провозглашаемыми на государственном уровне рыночными принципами. Жизнь человека в таком обществе протекает, как правило, в небольших социумах, связанных с его личными интересами и имеющими короткий жизненный цикл. В социальной же структуре современного российского общества наряду с подобной аномией имеются очевидные риски для социальной конъюнкции, поскольку наблюдается повсеместная деградация ценностно-нормативной составляющей, характерной для крупных социетальных систем (таких как национальная, гражданская, этническая, религиозная). Следует согласиться с Н. Н. Мещеряковой, что такой тип социальной аномии целесообразно называть «рефлексивной» [7, с. 204].

Изучение проблематики социальной дезинтеграции в современных российских условиях имеет чрезвычайно высокую практическую значимость, поскольку и сегодня аномическое состояние в российском обществе диагностируется специалистами-гуманитариями. Согласно их исследованиям, социальная дезинтеграция является следствием трансформационных процессов, протекающих в России [8, с. 96]. Этот кризис проявляется в ярко выраженной аномической симптоматике различных сегментов социальной структуры [9, с. 95], в укореняющемся консолидационном кризисе [10], а также в кризисе социальной солидарности [11, с. 56].

Как результат редуцированной социальной солидарности социальная аномия в России характеризуется нарушением механизмов социокультурного наследования, повсеместной депривацией символических комплексов у большинства граждан, а также своеобразным идеологическим вакуумом, сформировавшимся после распада СССР [12, с. 210]. Среди основных источников социальной аномии в российском обществе выделяют противоречие, вызванное очевидным расхождением либеральных ценностных образцов с той фактически сложившейся ситуацией, в которой находятся сегодня российские граждане, а также очевидную несовместимость этих ценностей со структурой советских диспозиций, существовавших ранее и продолжающих оказывать значительное влияние на социальную структуру сегодня [13, с. 113].

Таким образом, проблематика данного исследования обусловлена отрицательным влиянием, оказываемым социальной аномией на криминогенную среду российского общества. Влияние это естественно по своей природе, поскольку ослабление государственных институтов в совокупности с нейтрализацией нормативного и ценностного влияния, оказывавшегося ранее культурой, приводят к прямо пропорциональному снижению эффективности механизмов формального и неформального социального контроля. Такая закономерность находит подтверждение и в российской действительности постперестроечного периода. Согласно данным Государственного комитета СССР по статистике, опубликованным в статистическом ежегоднике [14, с. 278], а также сведениям, предоставляемым в открытом доступе Федеральной службой государственной статистики [15], в период проведения либеральных реформ, начиная с 1987 г. и вплоть до 2005 г. общий рост преступности ежегодно увеличивался.

В соответствии с этими данными в 2005 г. правоохранительные органы зафиксировали 30,8 тыс. случаев умышленных убийств или покушений на убийство, что на 110 % выше, чем в предреформенный 1987 г., когда их численность не превышала 14,6 тыс. Частота же совершения менее тяжких правонарушений выросла намного больше. Так, в 2005 г. общее число зафиксированных случаев грабежа или разбоя достигла 408,1 тыс. против 52,2 тыс. в 1987 г. Число зарегистрированных краж, приходившихся на пик роста преступности, выросло по отношению к предреформенному состоянию на 291 % и составило 1573 тыс. случаев в 2005 г. против 401,6 тыс. в 1987 г. Подобный скачок в показателях численности правонарушений явно свидетельствует о состоянии острой социальной аномии, переживаемой российским обществом в 2000–2010 гг. После прохождения острой стадии аномичного кризиса отчетливо наблюдается период интеграционной стабилизации, начавшийся после 2010 г. и продолжающийся по сей день. Однако российское общество по-прежнему пребывает в состоянии социальной аномии. Количество таких правонарушений, как кражи, грабеж и разбой, а также преступлений, связанных с наркотиками, и по сей день превышает все дореформенные показатели.

Целью исследования, представленного в данной статье, являются изучение специфики гражданской формы социальной солидарности в области общественной безопасности и анализ ее интеграционного потенциала в условиях социальной аномии. Для этого будет необходимо выполнить следующие исследовательские задачи: составить в рамках теоретического поля социологии методологический конструкт, соответствующий исследовательской проблематике, и разработать инструментарий, необходимый для эмпирического исследования; изучить специфику гражданской солидарности в сфере общественной безопасности; определить основные дезинтегрирующие факторы, препятствующие проявлению гражданских установок в сфере общественной безопасности. В качестве объекта исследования выступили жители Санкт-Петербурга, находящиеся в совершеннолетнем возрасте и постоянно проживающие в границах двух муниципальных округов Красногвардейского района. Предмет исследования — их гражданские установки в области общественной безопасности.

Исследования социальной солидарности косвенным образом осуществлялись отечественными учеными, однако исследовательский акцент делался на изучении либо социальной аномии, либо социальной консолидации. Так, исследования, проведенные И. В. Мерсияновой, наглядно свидетельствуют об острой стадии социальной аномии, переживаемой российским обществом в 2005 г. Однако сегодня официальная статистика говорит о существенной стабилизации в этой области, что накладывает некоторые ограничения на использование полученных ею данных [16, с. 116–117]. Большой интерес представляют также исследования консолидационных связей современного российского общества, проведенные О. А. Кармадоновым и М. К. Зверевым. По результатам проведенного исследования авторы заключают, что в полной мере социальная солидарность продолжает воспроизводиться только в примордиальной группе, а если выражаться точнее, то в узком семейном кругу [12, с. 200].

Методология исследования

В начале статьи было упомянуто, что понятие социальной аномии отображает определенное дезинтеграционное состояние, размещенное на одной из сторон своеобразного интеграционного континуума. На противоположной стороне такого континуума размещается состояние, имеющее положительную интеграционную заряженность и именуемое в социологической теории социальной солидарностью. Российский философ и исследователь проблематики социальной интеграции Т. В. Жалкиев очень точно определил, что социальная аномия — «это социальное явление, характерное для обществ с непроявленной солидаризационной составляющей» [13, с. 129]. Поиск же интеграционных мер, направленных на улучшение криминогенной обстановки, делает целесообразным проведение методологического описания категории социальной солидарности.

Итак, проблематика социальной солидарности получила широкое освещение в работах ведущих социологов и мыслителей в конце XIX — начале XX в. (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, А. Бергсон). Возникновение термина «социальная солидарность» традиционно принято связывать с работами Огюста Конта, который обуславливал становление общественной консолидации распределением различных видов человеческого труда. Согласно предложенной им концепции, становление социальной солидарности осуществляется в рамках института семьи, в обществе же поддерживается при помощи силы. Начиная с социального института семьи человек переносит имманентное стремление к интеграции, консолидации на всё общество, которое регулируется возникновением кардинально противоположных процессов дифференциации деятельности и кооперации усилий людей. Главным положением позитивизма Конта выступает «провозглашение примата силы в практической организации общества. Как организация деятельности людей общество господствует и не может не господствовать с помощью силы» [17, с. 118].

Э. Дюркгейм в свою очередь утверждает, что наиболее полно социальная солидарность может быть обнаружена посредством изучения правовых особенностей исследуемого общества, поскольку именно право, с одной стороны, является механизмом социального регулирования, а с другой — сформировано самим обществом, а значит, наиболее показательно характеризует отношения, складывающиеся между его членами [18, с. 71]. Нормы права воспроизводят сложнейшие механизмы социального контроля, проявляя для исследователя насильственные признаки социального факта — центрального теоретического понятия, используемого Дюркгеймом в его методологии.

В социологической концепции немецкого ученого Макса Вебера тема социальной интеграции и социальной солидарности раскрывается через понятие легитимного порядка. Социальное отношение в понимании Вебера подразумевает, что действия его участников взаимообусловлены и могут соотноситься с определенными максимумами. Подобные максимы формируются в смысловом содержании социальных отношений и предполагают, что вступающие в отношения индивиды будут соотносить свое поведение с ними, формируя тем самым легитимный порядок [19, с. 87]. Общественное принятие установленного порядка, по Веберу, может носить неоднородный характер, что выражается в уровне его эмпирической значимости для участников сообщества. В работе «Хозяйство и общество» ученый определя-

ет эмпирическую значимость легитимного порядка как объективную «обоснованность усредненных ожиданий» [20, с. 12]. Иначе говоря, общество сохраняется, пока внутри него существует поведение, ориентированное на скрепляющий его и установленный в нем порядок.

В работах американского социолога Талкотта Парсонса социальная солидарность получила развитие в качестве своеобразного интеграционного свойства социальной системы, реализуемого в процессе построения общих для ее членов нормативных и ценностных оснований. В соответствии с теорией Парсонса, социальная солидарность является обязательным компонентом социальной системы и определяется как степень принятия ее членами выработанных в процессе формирования социальной структуры культурных эталонов и комплексов экспрессивных символов. Согласно Парсонсу, вне солидарных отношений представить успешно функционирующую социальную структуру проблематично, так как в отсутствие общего согласия относительно нормативной системы и системы экспрессивных символов формирование и поддержание единой ролевой структуры невозможно, что влечет возникновение противоречий в процессах построения отношений, связанных между собой принципом взаимной ориентации. Понятие социальной солидарности, таким образом, теоретически обогащается влиянием культурно-символических компонентов. И действительно, как говорит Парсонс, культурная ценностная ориентация «в форме общего морального согласия относительно прав и обязанностей является фундаментальным компонентом социальной структуры» [21, с. 452].

Особого внимания заслуживает натуралистический подход французского мыслителя-интуитивиста Анри Бергсона. В соответствии с его взглядами, лежащая в основе большинства интеграционных процессов потребность представителей одного социума сплотиться с соотечественниками против враждебно настроенных представителей другого социума — это естественный инстинкт, проистекающий из глубин человеческой природы [22, с. 33].

Исходя из вышеприведенных концепций, можно заключить, что естественное происхождение социальной солидарности не исключает ее насильственного характера. Воплощаясь в культурно-нормативной системе конкретного общества, она актуализируется там опосредованно, через системы экспрессивных символов. Следовательно, общественный правопорядок базируется на двух основных элементах социальной структуры: формальном и неформальном социальном контроле.

Гражданская же солидарность предполагает существование внутри общества определенного согласия относительно различных компонентов гражданственности (участие, поддержка, активность, ответственность и т. д.), что делает ее удобным инструментом для анализа социально-интеграционной специфики в условиях осложненной криминогенной среды. Через призму гражданской солидарности социальному анализу становится доступна не только значимость для человека социального нормативного каркаса, но и эффективность тех компонентов экспрессивно-символического комплекса, которые связывают его с государственной системой на эмпатическом уровне. Интеграционная значимость гражданской солидарности также обусловлена и государственным статусом ее субъектов — граждан, солидаризирующихся с обществом напрямую, соблюдая и защищая его нормы, участвуя в гражданских институтах, исполняя гражданские обязанности и отстаивая граж-

данские права, воспроизводя механизмы социального контроля и покоряясь им соответственно.

Российский социолог А. Б. Гофман следующим образом оценивает ее значимость для процесса социального воспроизводства: «Все партикулярные солидарности — политические (включая государственно-бюрократическую), семейно-родственные, национально-этнические, религиозные, классовые, корпоративные, профессиональные и т. п. — имеют и могут иметь позитивное значение только при их включенности в солидарность гражданскую. Без нее, какими бы мощными и всеохватывающими они ни казались, они несут с собой огромный потенциал дезинтеграции и разрушения» [1, с. 166].

Высокую эвристическую ценность для практического анализа гражданской солидарности в современных российских условиях представляет разработанная О. А. Кармадоновым потоковая модель консолидации, согласно которой социальная солидарность формируется и воспроизводится в общественной реальности по двум основным направлениям [23, с. 122]. В первом сосредотачиваются усилия, предпринимаемые управляющей властью в социетальном масштабе, необходимые для дальнейшего общественного воспроизводства. Второе направление организуется внутри первичных (примордиальных) групп непосредственно в среде социализации и жизненного протекания человека.

Используя потоковую модель консолидации, можно предположить, что гражданская солидарность проявляется отдельным индивидом на вертикальном (макросоциальном) уровне, когда он ориентируется в своем поведении на законодательно закрепленные нормы, воспроизводит меры социального контроля и при необходимости повинуетс я им, использует институционально обеспеченные меры гражданского участия. Различные сообщества проявляют гражданское солидарное поведение в тех случаях, когда они взаимодействуют с государством, отдельным индивидом или другими сообществами на законных основаниях и прибегают, в случае возникающих у них коммуникационных трудностей, к институциональным механизмам обеспечения правопорядка. На горизонтальном (микросоциальном) уровне гражданская солидарность формируется в конъюнктивных практиках, осуществляемых представителями различных сообществ, объединяющихся друг с другом с целью приобретения субъектности по отношению к гражданским институтам. Сюда можно отнести различные объединения общественных активистов, некоммерческие организации, благотворительные фонды, профсоюзы, объединения собственников жилья, объединения обманутых дольщиков и т. д.

Методика исследования. Попытка практического изучения особенностей гражданской солидарности была предпринята осенью 2017 г. исследовательской группой агентства «Сфера», возглавляемого автором данной статьи. В соответствии с исследовательской программой проводилось комплексное исследование, включающее в себя сбор социологических данных количественными (фокус-группы) и качественными (поквартирный опрос) методами. Выбор методики в каждом случае был обусловлен той исследовательской задачей, на решение которой ориентирован конкретный этап исследования. Так, сведения, свидетельствующие об особенностях гражданской солидарности, выраженных в поведенческих установках граждан, изучались методом формализованного интервью. В свою очередь, дезинтеграционные факторы, препятствующие проявлению гражданского соли-

дарного поведения, наилучшим образом могли быть раскрыты только качественным методом исследования.

Поквартирный опрос был проведен методом формализованного интервью. Целевую аудиторию составили мужчины и женщины, достигшие 18 лет. География опроса сосредоточена в границах двух муниципальных образований Красногвардейского района Санкт-Петербурга. Принцип формирования выборки: квотная, районированная, с применением шага выборки. Объем выборки — 611 человек. Ошибка выборки с вероятностью 95 % не превышает $\pm 3,9\%$. Инструментарий количественного этапа был частично апробирован в 2015 г., в рамках исследования, проводимого нашим агентством для выявления мнения жителей об уровне личной и общественной безопасности в жилых кварталах для его учета при тестировании элементов автоматизированной системы внутриквартальной безопасности в жилых кварталах Санкт-Петербурга. Результаты того исследования были представлены на научной конференции, посвященной 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского 10–12 ноября 2016 г. [24].

В соответствии с необходимостью определить специфические характеристики гражданской составляющей солидарного поведения в области общественной безопасности нами сделано *предположение* о редуцированности значимой для индивида области социальной эмпатии, изменяющейся в соответствии с характером тех правонарушений, с которыми ему приходится сталкиваться.

Согласно представленной выше методологии, анкета формализованного интервью сложилась из двух исследовательских блоков, направленных на изучение: 1) особенностей гражданской солидарности, воспроизводящейся на вертикальном (макросоциальном) уровне; 2) особенностей гражданской солидарности, воспроизводящейся на горизонтальном (микросоциальном) уровне.

При конструировании первой части анкет мы исходили из убеждения, что любая деятельность, направленная на восстановление нормативного порядка, есть проявление солидарного поведения. Выражаясь языком Вебера, воспроизводимые таким образом интернализированные механизмы социального контроля демонстрируют уровень значимости установленного порядка. Согласно Дюркгейму, в установках, действующих относительно правонарушителя, воспроизводится принудительная природа социального факта, а сам факт становится удобным индикатором для социологического анализа солидарного поведения. Стремление человека восстановить поруганную в его присутствии общественную норму рассматривается Парсонсом в соотношении конформного и девиантного поведения — центральной аналитической дилеммы концепции социального действия. Ряд вопросов первой части был также посвящен вертикальному вектору гражданской солидарности, индикатором которой выступает готовность респондентов принимать участие в деятельности гражданских механизмов, связанных с обеспечением общественной безопасности. Вопросы второй части анкеты были направлены на анализ горизонтального (макросоциального) уровня вектора воспроизведения гражданской солидарности, для чего изучалась распространенность участия респондентов в общественных организациях, прямо или косвенно участвующих в обеспечении безопасности.

Фокусированные групповые интервью также проводились с участием совершеннолетних жителей, постоянно проживающих на территории двух муници-

пальных образований Красногвардейского района Санкт-Петербурга. Всего было проведено четыре фокус-группы, в которых приняли участие 32 человека. Вопросы, включенные в исследовательский гайд, в целом дублировали те, что задавались в ходе поквартирного опроса. Однако центр дискуссионного внимания, акцентируемый модератором групп, был перемещен в сторону обсуждения причин, способствующих или препятствующих принятию человеком решения о необходимости и формах гражданского участия. В соответствии с необходимостью изучения существующих в области общественной безопасности дезинтеграционных факторов нами было сделано *предположение* об их институциональном происхождении, обусловленном особенностью положения правоохранительных органов в условиях социальной аномии.

Результаты исследования

Каждому участнику исследования в ходе поквартирного опроса предлагали представить себе, что при нем будет совершаться какое-либо правонарушение, и спрашивали, готов ли он будет сообщить об этом в полицию или попробовать предотвратить правонарушение лично. Список обсуждаемых правонарушений составили: убийство, нанесение увечий с угрозой для жизни; физическое насилие: побои, изнасилование; грабеж или разбой; кража из квартиры, а также кража и угон автомобиля; мошенничество, шантаж; хулиганство, вандализм.

Респондентам предлагались формализованные варианты ответов, которые разделялись по трем основным блокам. Эти блоки в разной степени характеризуют готовность респондента к отстаиванию того установленного правового порядка, внутри которого он проживает, в рамках наднационального (государственного) уровня: первый блок — человек не будет никаким образом реагировать на совершаемое в его присутствии преступление; второй блок — человек постарается лично воспрепятствовать правонарушению или окажет содействие в задержании преступника; третий блок — респондент решит обратиться в полицию.

Анализ ответов, полученных на первый вопрос, производился с использованием средних арифметических значений, взвешенных по всем вариантам правонарушений, что позволит дать средние характеристики гражданского солидарного поведения в области общественной безопасности.

По своему вертикальному (макросоциальному) вектору гражданская солидарность активно воспроизводится на обследуемой территории преимущественно в качестве *формального социального* контроля, т. е. опосредованно, через обращение граждан в правоохранительные органы.

Общее число ответов, приходящихся на третий блок установок, предусматривающих реагирование человеком на правонарушения путем обращения к сотрудникам полиции, составляет 82,3 % от всех опрошенных. Из них 12,4 % сказали, что ограничатся анонимным сообщением о правонарушении. Такой выбор свидетельствует о существовании каких-то субъективных причин, препятствующих готовности человека принимать участие в последующем следственно-оперативном процессе. Практически столько же (а именно 10,9 % участников опроса) сказали, что при сообщении о совершаемом правонарушении готовы дать сведения о себе. Такая установка говорит о том, что человек не имеет субъективных оснований избе-

гать участия в следственно-оперативном процессе, но и не будет проявлять какой-либо гражданской инициативы в этой области. Готовность дожидаться сотрудников полиции и быть понятым, если это будет необходимо, высказали 20,9 % участников опроса. Число же людей, согласных дожидаться сотрудников правоохранительных органов и дать свидетельские показания, составляет 37,9 % от общего числа респондентов. Оба эти показателя демонстрируют наличие у человека высокого уровня формальной гражданской эмпатии, обнаруживаемой при личном столкновении с нарушением социальной нормы.

Неформальная составляющая интернализированного социального контроля, воспроизводимого в отношениях вертикальной (макросоциальной) гражданской солидарности, на обследуемой территории значительно редуцирована, что говорит о низком уровне эмпатической связи человека с нормативными компонентами той гражданской культуры, в рамках которой он проживает. В сфере общественной безопасности этот солидарный компонент обнаруживает себя как готовность человека предпринять попытку личного противодействия происходящему при его свидетельстве правонарушению.

Общая совокупность ответов, полученных на вопросы второго блока, предполагавших такую готовность, составила всего 34,6 % от всех участников опроса. Из них о своей готовности сделать замечание правонарушителю высказались 6 % от общего числа респондентов. Такой ответ свидетельствует о готовности человека к личному участию, однако не позволяет ожидать от него существенного противодействия совершаемому преступлению. Такое положение предполагает определенный уровень у человека солидарных гражданских установок, интернализированных в его систему ценностей, но проявляемых в наименее деятельностной степени. Следующая поведенческая установка схожа с предыдущей по степени укорененности солидарного поведения и также предполагает личное участие человека. Она отражена в ответах респондентов, продемонстрировавших в ходе опроса свою готовность при столкновении с преступлением демонстративно делать записи, используя для этого фото- или видеосъемку. Средняя доля таких респондентов составила всего 2,8 % опрошенных. Проект активных действий, наиболее распространенный среди участников опроса, предполагает в случае потенциального свидетельства совершаемого правонарушения готовность человека противодействовать преступнику (криком, привлечением внимания людей). О такой готовности заявили 14,7 % от всех опрошенных. Солидарное поведение человека наиболее остро обнаруживается в его готовности предпринять попытку личного задержания правонарушителя до приезда полиции. Доля высказавших такую готовность респондентов по результатам исследования составила 10,6 % от общего числа опрошенных.

В сфере общественной безопасности наиболее очевидно *аномическая симптоматика* выражена общей численностью ответов, полученных на вопросы, предполагающие полный отказ человека предпринимать какие-либо действия, направленные на предотвращение совершаемого правонарушения. Она составила 5,98 % от общего числа респондентов.

Из них большинство ответов, а именно 3,2 % всех опрошенных, указывало на готовность человека пройти мимо, в случае если он столкнется с совершаемым правонарушением, так как его это не касается. Некоторые — а именно 0,1 % и 0,2 % от общего числа респондентов — заявили, что они будут наблюдать за происходящим

со стороны, стараясь избежать полиции, чтобы не стать свидетелем, либо будут незаметно вести фото- или видеосъемку, чтобы показать знакомым или разместить в Интернете. Поведенческие установки, способные подтолкнуть гражданина к проявлению солидарного поведения, содержатся в его готовности наблюдать за происходящим и дать показания, если к нему обратятся сотрудники правоохранительных органов. Общее число высказавшихся о такой готовности составляет 2,3%. Индивид в таком случае не проявляет никаких признаков солидарного поведения, но и не демонстрирует прямых дезинтеграционных стремлений.

Последующее распределение ответов в соответствии с видами правонарушений позволяет выделить следующие факторы, влияние которых на поведенческие установки в отношении гражданской солидарности прослеживается наиболее существенно:

- *отношение к частной или общественной собственности*: респонденты решительнее высказывались относительно защиты частной собственности (кража, грабеж), чем общественной (хулиганство, вандализм). Так, общее число респондентов, готовых обратиться в полицию при столкновении с фактом хулиганства или вандализма, составило 76,2% от всех опрошенных против 84,4% в том случае, если им придется столкнуться с кражей, совершаемой из квартиры, а также с кражей или угоном автомобиля;
- *тяжесть совершаемого правонарушения*: чем серьезнее происходящее правонарушение, тем сильнее участники опроса проявляют желание избежать последующего взаимодействия с полицией. Так, число респондентов, высказавшихся о готовности ограничиться анонимным сообщением в случае обнаружения убийства или попытки убийства, наиболее высокое и составляет 16,4% от общего числа опрошенных против 10,6% готовых повести себя так же, но в случае, если столкнутся с хулиганством или вандализмом. Тяжесть совершаемого правонарушения оказывает значительное влияние и на такие установки, которые свидетельствуют о готовности человека лично противостоять преступнику. Так, число людей, готовых сделать личное замечание в случаях столкновения с фактами убийства, насилия или грабежа, составила 1,7%, 1,3% и 1,5% соответственно. Если же человеку придется столкнуться с такими правонарушениями, как квартирная кража или кража автомобиля, мошенничество или шантаж, хулиганство или вандализм, то доля людей, готовых сделать правонарушителю замечание, в этих случаях составила 5,8%, 14,3% и 11,6% соответственно.

Пересечение результатов исследования по основным показателям позволило определить, что на гражданские установки в области общественной безопасности существенное влияние оказывает половая принадлежность респондента: проявляя солидарное поведение в области общественной безопасности, мужчины намного решительнее, чем женщины, воспроизводят меры, характерные для неформального компонента социального контроля. Среди опрошенных, высказавших готовность предпринять попытку личного задержания правонарушителя, доля мужчин составила 9,6%, а доля женщин — всего 1%. Иначе говоря, практически каждый пятый, а именно 21,3% от всех опрошенных мужчин, высказали такую готовность. В свою очередь, только 1,8% от общего числа женщин, участвовавших в опросе,

высказали готовность попытаться задержать преступника лично. Общее же число ответов, содержащихся во втором блоке и характеризующих готовность человека к личному участию для предотвращения совершаемого правонарушения или задержания преступника, составило в среднем 10,6% от общего числа респондентов, из которых 15,2% принадлежат женщинам (в среднем 27,6% от всех женщин), а 18,9% — мужчинам (42,1% от всех мужчин). В соответствии с возрастом, образованием и доходом статистически значимых различий обнаружить не удалось.

Вторым индикатором, характеризующим вертикальный вектор гражданской солидарности в сфере общественной безопасности, является готовность человека участвовать в разнообразных гражданских институтах, существующих в правоохранительной сфере. С целью исследования этого ее компонента респондентам задавался вопрос о том, согласились ли бы они принять участие в различных институтах гражданского общества, связанных с обеспечением безопасности жизнедеятельности.

По результатам опроса можно с уверенностью резюмировать, что и на этом направлении солидарные отношения в сфере общественной безопасности также слабо воспроизводятся. Так, поучаствовать в судебном процессе в роли присяжного заседателя согласились 22,4% от всех опрошенных, а 8,9% затруднились с ответом. Следующим по привлекательности для респондентов гражданским институтом является членство в общественных советах при государственных структурах, контролирующих деятельность правоохранительных органов. О готовности участвовать в них заявили 16,8% опрошенных. Наименее же привлекательной оказалась добровольная народная дружина, участие в которой заинтересовало только 14,5% опрошенных.

Об уровне интегрированности солидаризационной составляющей по *горизонтальному (макросоциальному) вектору* может свидетельствовать участие человека в организациях, прямо или опосредованно занимающихся решением вопросов обеспечения безопасности. В рамках проведенного исследования респондентам задавался следующий вопрос: «Состоите ли вы в каких-либо из нижеперечисленных общественных организаций, прямо или косвенно участвующих в обеспечении безопасности жизнедеятельности? Если да, то в каком качестве?»

Полученные ответы позволяют говорить о том, что гражданские конъюнктивные практики, реализуемые в качестве прямой или косвенной деятельности по организации общественной безопасности, обнаруживаются на критически низком уровне. Число жителей, каким-либо образом участвующих в деятельности ЖСК и ТСЖ, составляет 4,6% от общего числа респондентов, из которых 3,9% являются членами правления, 0,4% принимают участие в рабочих собраниях, а 0,4% входят в состав самоуправления. Одновременно с этим об участии в садоводческих товариществах заявили только 3,3% участников опроса, из которых 2,5% являются членами таких товариществ, 0,6% принимают участие в общих собраниях и 0,2% входят в состав правления. Комитеты профсоюзных организаций являются третьими по численности респондентов, участвующих в каких-либо общественных организациях: всего об этом заявили 1,4% респондентов, из которых в состав управления входят 0,2%, а 1,2% просто принимают участие. В общественных объединениях потребителей состоят 0,2% от всех опрошенных, а в природоохранительных организациях — никто. Среди прочих организаций респондентами назывались ро-

дательские комитеты и некоторые профессиональные сообщества, однако их доля чрезвычайно низка.

Результаты фокусированных групповых интервью

Главная исследовательская задача фокусированного группового интервью заключалась в сборе данных об основных факторах, способствующих или препятствующих проявлению гражданского солидарного поведения в сфере общественной безопасности. Результаты проведения фокус-групп позволяют дать характеристику обнаруженным дезинтеграционным факторам, содержащимся в высказываниях жителей.

Фактор первый — временные издержки, непременно возникающие у гражданина, сообщившего в правоохранительные органы об обнаруженном правонарушении. Процессуальные проволочки и формализм, являющиеся сегодня неизбежной частью оперативно-следственного процесса, требуют от сообщившего о преступлении много времени. Скорее всего, человеку придется самостоятельно явиться в отдел полиции для дачи показаний или прочих дополнительных сведений. Всё это в конечном счете негативно скажется на гражданских установках обратившихся. Вот что говорят участники фокус-групп по этому поводу:

«Этот человек выжил, его в искусственную кому вводили. Там всё было серьезно, и травмы были очень тяжелые. Пришлось дожидаться полиции и скорой. Когда стояли и ждали под дождем скорую, проезжал мужичок на велосипеде. Остановился и поинтересовался, вызвали ли мы скорую. Я ответил, что вызвали. Он мне и говорит: мол, сваливай отсюда, а то тебя потом так затаскает милиция — устанешь бегать. Я решил, что дождусь. Позиция людей опять же: беги, потому что потом затаскают» (муж., экспедитор, 37 лет).

Вторым существенным фактором, также препятствующим формированию гражданских установок в области общественной безопасности, является правовая незащищенность лиц, предпринимающих попытку противодействия преступнику или сообщающих об обнаруженном ими правонарушении. Отсутствие механизмов, эффективно защищающих граждан, активно отстаивающих правовой порядок, в конечном счете останавливает людей, имеющих опыт взаимодействия с правоохранительными органами, от последующей решимости проявлять гражданское участие в тех случаях, когда оно, казалось бы, наиболее востребовано. Вот что говорят об этом участники фокус-группы:

«У нас законодательство напрямую запрещает защищаться. У меня была следующая ситуация. Человек на меня напал; он был выпивший, а я был трезвый. Я был с племянницей и с девушкой. По итогу получилось так, что он на нас напал, и я вот так, по неосторожности, его убил. В аффекте меня не признали, причем дважды я отправлялся на экспертизу на состояние аффекта. Мне повезло с судьей и прокурором: они оказались справедливыми, но я в итоге получил условный срок. Вот и мне довелось пообщаться с судьей после того, как приговор уже вступил в законную силу, а судья мне и говорит: “Я ничего не мог сделать. По закону ты должен был один раз ударить и отойти”. И это несмотря на то, что человек был меня килограммов на 20 тяжелее и с бойцовой подготовкой, которую проходит спецназ МВД» (муж., водитель, 36 лет).

Третьим фактором, сдерживающим проявление гражданских установок в области общественной безопасности, является непоследовательность правоохранительных органов, выборочно реагирующих на сигналы от граждан, что в конечном итоге формирует недоверчивое отношение к полиции в целом. Человек, ставший свидетелем правонарушения, может и не сообщить о нем, ссылаясь на бесперспективность взаимодействия с полицией, далеко не всегда реагирующей на подобные сигналы. В конечном счете это негативно сказывается на гражданских установках жителей, ставящих под сомнение эффективность самого обращения в правоохранительные органы.

Необходимо отдельно отметить случаи недоброжелательного отношения, проявляемого полицейскими по отношению к потерпевшим, подающим обращение, о которых говорили участники фокус-групп. Предположительно такие действия связаны со стремлением сотрудников полиции предотвратить сам факт подачи обращения о подобных правонарушениях, которые представляются им несущественными, но требующими соблюдения всех формальных процедур. Довольно часто подобные инциденты возникают в случаях изнасилования женщин или бытового насилия. Вот что говорят участники группы по данному вопросу:

«Мне приходилось в своей жизни обращаться в полицию по поводу насилия, которое случилось в моей жизни. Когда к ним приходишь, они начинают над тобой смеяться: “ха-ха-ха, это она пришла, а сейчас вот тот другой прибежал, и уже на вас накатал. А теперь вы, как вторая половина, типа пострадавшая пришли”. То есть ты стоишь и плачешь, потому что всё это очень неприятно, а у них такой вот смех стоит» (жен., соцработник, 41 год).

Выводы и обсуждение результатов. По результатам проведенного исследования можно сделать некоторые выводы об особенностях гражданской солидарности в области общественной безопасности. На вертикальном (макросоциальном) направлении гражданская солидарность в сфере общественной безопасности основывается преимущественно на формальных компонентах социального контроля, предполагающих апелляцию человека к правоохранительным органам, поскольку те являются основными агентами социального подкрепления и санкционирования. Эмпатическая же взаимосвязь человека с установленным порядком, реализуемая им в обращении к неформальным мерам социального контроля, в значительной степени редуцирована на обследуемой территории. В структуре солидарного поведения мужчины активнее воспроизводят неформальную, а женщины — формальную составляющие социального контроля. Относительно вида правонарушения, с которым может столкнуться человек, прослеживается значительное влияние таких факторов, как тяжесть совершаемого правонарушения и отношение к частной или общественной собственности. Гражданская солидарность, воспроизводимая на горизонтальном (групповом, микросоциальном) уровне, также подвержена существенной стагнации, поскольку респонденты заявили, что практически не участвуют в деятельности общественных организаций, имеющих прямое или косвенное отношение к обеспечению безопасности.

Преимущественно формализованное состояние социальных отношений гражданской солидарности в сфере общественной безопасности является, на наш взгляд, прямым следствием аномического состояния современной российской дей-

ствительности. Конечно, совершенствование деятельности правоохранительных органов, усиление их внутреннего состава и технически доступных им средств позволили переломить драматическое развитие «травматической последовательности», выражаясь словами П. Штопки. Однако имплементация новой социокультурной структуры оказалась проблематичной, что негативно повлияло на значимость предлагаемой экспрессивно-символической системы. Иными словами, люди соблюдают установленные законом нормы потому, что их надо соблюдать для собственной безопасности. Эмпатическая же значимость социального нормативного каркаса остаётся индивидуально не интернализированной, в результате чего и формируется своеобразная отчужденность в этой области. В результате этого, как показали фокус-группы, большинство дезинтеграционных факторов связаны с деятельностью правоохранительных органов, что, на наш взгляд, естественно, поскольку отсутствие общественного согласия относительно основных моментов гражданственности делает невозможным конструктивное взаимодействие между различными субъектами гражданской солидарности в области общественной безопасности.

Для преодоления сложившейся ситуации необходимо создавать условия, благоприятствующие воспроизведению солидарного поведения, а также устранять факторы социальной дезинтеграции, ему препятствующие, что позволит сформировать консолидационную базу, необходимую для формирования новой социальной солидарности. Нужно согласиться с А. Бергсоном в том, что имманентное стремление к солидарным отношениям свойственно человеческой природе. Следовательно, главная задача антикризисного управления в таких условиях — стимулировать гражданскую кооперацию, поощрять конъюнктивные практики в этой области и безжалостно расправляться с препятствующими этому процессу обстоятельствами.

Ликвидация же перечисленных в статье дезинтеграционных факторов или существенное понижение их негативного влияния позволит ощутимо повысить уровень гражданского солидарного поведения в области общественной безопасности. Общество, скрепляемое значимой для его представителей гражданской солидарностью, приобретает значительный иммунитет, защищающий его от такого дивантного поведения, которое может нести угрозу общественной безопасности.

В заключение нужно отметить, что в отсутствие развитой гражданской солидарности никакие процессы оздоровления криминогенной среды не принесут сколько-либо ощутимой эффективности. Предложенная же нами теоретико-методологическая модель гражданской солидарности доказала в данном исследовании свою основательность. Практическая ценность проделанной работы заключается в конкретных предложениях, направленных на содействие формированию гражданской солидарности в сфере общественной безопасности. Метод исследования гражданской солидарности, апробированный в данной статье, имеет большой потенциал для анализа интеграционных процессов, в том числе в области общественной безопасности. Среди недостатков проведенного исследования можно выделить недостаточно глубокий уровень статистически полученных данных, что явилось для нас ограничением при выявлении статистических взаимосвязей.

Литература

1. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник, 2012: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 97–167.
2. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. / пер. с англ. Н. Н. Марчук. М.: Вече, АСТ, 1999. Т. 1. 544 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.
6. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
7. Мещерякова Н. Аномия в сложном обществе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 201–207.
8. Абдрахманов Д. М., Буранчин А. М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 3. С. 94–101.
9. Кривошеев В. В. Особенности аномии современного российского общества // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93–97.
10. Кривоушков В. В. Теоретические проблемы социологического исследования консолидации российского общества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5. С. 146–149.
11. Самарин А. Н. О солидарности в современной России // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 3: Время и пространство мировых религий и локальных культур. Локальные культуры и межкультурный диалог. С. 51–60.
12. Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
13. Жалкиева В. Т. Солидарность и аномия в современном российском обществе. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. 142 с.
14. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.
15. Число зарегистрированных преступлений по видам / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.doc (дата обращения: 04.11.2017).
16. Мерсиянова И. В. Аномия и безопасность личности в городе // Мониторинг. 2006. № 3. С. 116–117.
17. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с.
18. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.
19. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. 445 с.
20. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
21. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
22. Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1994. 384 с.
23. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
24. Сердюков Б. В. Субъектность индивида в отношениях гражданской солидарности // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке: Мат-лы научн. конф. к 100-летию Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского 10–12 ноября 2016 года. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 1035–1037. URL: [http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_Koval_100\(1\).pdf](http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_Koval_100(1).pdf) (дата обращения: 03.02.2018).

Статья поступила в редакцию 28 января 2018 г.;
рекомендована в печать 22 февраля 2018 г.

Civil solidarity in the sphere of public security

Boris V. Serdyukov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА),
57/43, Sredniy prospect, Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation

For citation: Serdyukov B.V. Civil solidarity in the sphere of public security. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, issue 2, pp. 172–189. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.203>

The article attempts to discover efficient integration measures aimed at overcoming the negative consequences of social anomie in contemporary Russia. The author of the article argues that social anomie as a result of the transformational post-perestroika era processes had a negative impact on the current crime situation in Russia. The author based his ideas on the theoretical model proposed by Emile Durkheim and developed by Robert Merton. This effect is illustrated in the article by the statistics of offences occurred between 1985 and 2016. The necessity of finding the effective measures to stabilize the crime situation caused by the crisis of social integration makes a methodological description of such concepts as social solidarity essential, as this term has a positive integration orientation. Theoretical analysis of different approaches to the definition of the nature of social solidarity (contained in the opinions of scholars such as Auguste Comte, Emile Durkheim, Henri Bergson, Max Weber, and Talcott Parsons) allows making a conclusion about the high theoretical and practical feasibility of using such particular varieties of social solidarity as civil solidarity. Realizing a model of stream consolidation offered by O. Karmadonov, the author makes an attempt of a practical study concerning the peculiarities of civil solidarity in the field of public safety. The results of the conducted study reveal a number of disintegrating factors in this sphere, the neutralization of which, in the opinion of the author, can have a positive impact on embeddedness and depth of solidary behavior demonstrated by the citizens in the field of public security.

Keywords: civil solidarity, social anomie, solidarity behavior, the factors of disintegration, crime, public security.

References

1. Gofman A.B. Solidarnost' ili pravila, Diurkgeim ili Khaiek? O dvukh formakh sotsial'noi integratsii [Solidarity or Rules, Durkheim or Hayek? On Two Forms of Social Integration]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik 2012* [Sociological Annual 2012]. Moscow, INION RAN, 2013, p. 97–167. (In Russian)
2. Jary D., Jary J. *Bolshoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar* [Dictionary of Sociology], in 2 vols., trans from english by N. N. Marchuk. Moscow, Veche Publ., AST Publ., 1999, vol. 1. 544 p.
3. Durkheim E. *Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etiid* [Suicide: a Study in Sociology], ed. V.A. Bazarov. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p.
4. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Transl. from french, compilation, afterword by A. B. Gofman. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p. (In Russian)
5. Merton R. *Sotsial'naiia teoriia i sotsial'naia struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST Publ., Khranitel' Publ., 2006. 873 p. (In Russian)
6. Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social dimension as an injury]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2001, no. 1, pp. 6–16. (In Russian)
7. Meshcheriakova N. Anomiia v slozhnom obshchestve [Anomy in a complex society]. *Vestnik MGI-MO-Universiteta*, 2014, no. 2, pp. 201–207. (In Russian)

8. Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M. Destruktivnye aspekty sotsial'nykh transformatsii: anomiiia, arkhaiika, deviatsiia [The Destructive Aspects of Social Change: Anomie, Archaic, Deviation]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Philosophy. Psychology. Sociology, 2014, is. 3, pp. 94–101. (In Russian)
9. Krivosheev V.V. Osobennosti anomii sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Special Aspects of the Anomie of the Modern Russian Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2004, no. 3, pp. 93–97. (In Russian)
10. Krivopuskov V.V. Teoreticheskie problemy sotsiologicheskogo issledovaniia konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Theoretical Problems of Sociological Research of Consolidation of Russian Society]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, 2012, no. 5, pp. 146–149. (In Russian)
11. Samarin A.N. O solidarnosti v sovremennoi Rossii [Solidarity in Modern Russia]. *Prostranstvo i vremia v mirovoi politike i mezhdunarodnykh otnosheniakh. Materialy 4-go Konventa RAMI. V 10 t. T. 3: Vremia i prostranstvo mirovykh religii i lokal'nykh kul'tur. Lokal'nye kul'tury i mezhtsilivizatsionnyi dialog* [Space and Time in World Politics and International Relations. The Proceedings of the 4th RISA Convention, vol. 3: Time and Space of World Religions and Local Cultures. Local Cultures and Intercivilizational Dialogue]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2007, pp. 51–60. (In Russian)
12. Karmadonov O.A., Zverev M.K. *Konsolidatsiia rossiiskogo obshchestva: potoki i pregrady* [Consolidation of the Russian Society: Currents and Barriers]. Irkutsk, Publ. IGU, 2012. 223 p. (In Russian)
13. Zhalkiev V.T. *Solidarnost' i anomiiia v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Solidarity and Anomie in Modern Russian Society]. Krasnodar, Krasnodarskii universitet MVD Rossii, 2014. 142 p. (In Russian)
14. *Narodnoe khoziaistvo SSSR v 1990 g. Statisticheskii ezhegodnik* [National Economy of the USSR in 1990. Statistical Annual], Goskomstat SSSR. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1991. 752 p. (In Russian)
15. *Chislo zaregistrirrovannykh prestuplenii po vidam / Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Number of Registered Crimes According to their Types: Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.doc (accessed: 04.11.2017). (In Russian)
16. Mersianova I.V. Anomiiia i bezopasnost' lichnosti v gorode [Anomy and security of the person in the city]. *Monitoring*, 2006, no. 3, pp. 116–117. (In Russian)
17. Aron R. *Etapy razvitiia sotsiologicheskoi mysli* [The Stages of Development of Sociological Thought]. Moscow, Progress Publ., 1992. 608 p. (In Russian)
18. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society], transl. from french by A.B. Gofman. Moscow, Kanon Publ., 1996. 432 p. (In Russian)
19. Weber M. *Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaiushchei sotsiologii* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology], in 4 vols. Vol. I: Sociology. Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2016. 445 p. (In Russian)
20. Weber M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works], transl. from german, ed., afterword by Iu. N. Davydov; preface by P.P. Gaidenko. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian)
21. Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviia* [The Structure of Social Action]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2002. 880 p. (In Russian)
22. Bergson A. *Dva istochnika morali i religii* [Two Sources of Morality and Religion], transl. from french, afterword, comment. by A.B. Gofman. Moscow, Kanon Publ., 1994. 384 p. (In Russian)
23. Karmadonov O.A. Solidarnost', integratsiia, kon'iunktsiia [Solidarity, Integration, Conjunction]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, no. 2, pp. 3–12. (In Russian)
24. Serdiukov B.V. Sub'ektnost' individa v otnosheniakh grazhdanskoi solidarnosti [The subjectivity of indie type in the relationship of civic solidarity]. *Rossiiskoe sotsiologicheskoe soobshchestvo: istoriia, sovremennost', mesto v mirovoi nauke: Mat-ly nauchn. konf.k 100-letiiu Russkogo sotsiologicheskogo obshchestva im. M.M. Kovalevskogo 10–12 noiabria 2016 goda* [Russian sociological community: history, modernity, place in the World Science: materials of scientific conference on the 100th anniversary of the Russian sociological society named after M.M. Kovalevsky on November 10–12, 2016]. St. Petersburg, Skifiia-print, 2016, pp. 1035–1037. Available at: [http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_Koval_100\(1\).pdf](http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_Koval_100(1).pdf) (accessed: 03.02.2018). (In Russian)

Author's information:

Boris V. Serdyukov — serd_bv@mail.ru